

Память у людей какая-то не по-хорошему избирательная, лучшее, как прошлогодний снег, без следа тает, забывается, а вот плохое или вовсе ужасное, как ни старайся, ни за что не оставит в покое, будет навещать тебя, как «любимая» теща или обожаемый налоговый инспектор, это уже кому как нравится.

А вот память на архивном винчестере не избирательна, она все фиксирует. Наконец Оружейник нашел, где хранятся данные с внешних камер наблюдения. Ему страсть как хотелось посмотреть бой этих парней.

— Атас! Элита! — заорал Молчун, метнувшись к одному из «Кордов» с оптикой, став отстреливать короткими очередями, поливая то в одну, то в другую тварюгу. Оба чудовища кувыркались, если в них попадало, и тут же вскакивали. Лютый визг тварей резал слух, давил на нервы. Бронебойные злые пули неистовыми остроклювыми кувалдами били в тела тварей без жалости, иногда вырывая целые куски их бронированной чешуи с кровавой плотью, ошметками отлетающие от монстров.

Жуткое зрелище, разворачивающееся перед глазами, угнетало. Молчун кричал что-то непонятное и остервенело жал на курок. Кругом стоял оглушающий грохот, страшные, безумные крики людей, перемешанные с неистовым ревом тварей. Боевое безумие вроде отступило, и Молчун срывающимся голосом закричал:

— Братва! «Утесы», бей по силуэтам, не давайте им разогнаться. «Корды» и снайперы, цель — рыло! Руберов не трогаем! — им повезло, очень повезло, твари держались рядом друг с другом. Когда левый упал и замешкал с подъемом, Молчун скомандовал уже спокойнее: — Правого давим! Давай! — перенос всего огня на одного элитника дал результат, его завалили первым, а через несколько минут и подранка разделали.

Руберов уже добивали под стенами, с чувством, с толком, с расстановкой. Когда все было кончено, двое из группы спустились на подъемнике и стали потрошить эти наросты на затылках тварей. Зачем — не понятно. Когда вернулись, Оружейнику наконец стало ясно, откуда берутся эти горошины, виноградины и жемчуг.

— Да-а-а... Неожиданный расклад, — высказался Миха и переключился снова на внутреннюю запись.

Молчун посмотрел на хряка, тот заворуженно глядел на центр стола, пожирая глазами две жемчужины.

— Слышь, Ливер, с учетом близости Орды, мы бы посоветовали твоей канторе зашкериться и посидеть впустую. Этых, — он кивнул на потолок, — надо гнать сверху, а то накуролесят по неопытности чего, потом не расхлебаешь, в компост уйдешь.

— Учту, — прохрипел свинтус и хотел было схватить своей лапищей сокровище, но наткнулся на руку Жнеца. За одно мгновение на морде толстяка отразились жадность и страх, Ливер закашлялся, отдернув ладонь: — Не понял, — просипел главный, поставленный здесь Урфин Джусом приглядывать за «Мишенью».

— Давай без пены, Ливер, и без понтов. Согласись, мы оговоренное за Бедового еще вчера отбатрачили, а то и позавчера. Да и люди мы не ваши, не подневольные. Хотим разумного: свободы Бедовому и справедливой доли от свехурочного. Ну, давай, старшой, иди побухти с паханом своим, — Молчун кивнул на сейф.

— Это... это... — не сразу нашелся с ответом боров в человеческом теле. — Урфин Джус не любит такого, всех в расход пустит.

— Ну мы и не девочки его, чтобы нам знать, что он там любит. И хватит порожняк толкать, это ты бойся, а нам без надобности, и не таких муров видали. . .

Ливер сглотнул.

— Это угроза? — выдавил из себя сразу будто сдвигшийся местный босс.

Ответа от Молчуна он не получил, зато утвердительно кивнул Жнец и с любовью начал чистить свои кукри. Эти нехитрые манипуляции с булатом и маслом сильно ускорили путь Ливера к рации.

— Лебьяга, Лебьяга, это Мишень, Мишень, отзовитесь. Прием.

Следом затрещало и донельзя недовольным голосом ответило:

— Ты там что, совсем мозги свои пропил, Ливер? Связь каждые три дня в 20:00, с днем ты угадал, а вот со временем промашка.

— Джус, с мозгами все в порядке, тут другое, шёбла, что ты подогнал намедни, в непонятки ушла, батрачит козырно, подтверждаю, зато бузит, вот и условия теперь выставляет. Прием.

— Не кипишуй, Ливер, что-то я не догоняю, они что там у тебя, мазу держат? Прием.

У хряка вырвали из руки манипулятор радиостанции, бригадир потрошителей не нашел в себе сил сопротивляться. Молчун нажал тангенту.

— Халя-баля*, Урфин Джус, это Молчун, не буду ходить вокруг да около, наши договоренности мы оттрубили по полной, даже с излишком. Ждем освобождения Бедового, да, и последний хабар неплохо бы раздербанить по понятиям. Прием.

В ответ шуршание и потрескивание эфира. Казалось, собеседник уже ничего не скажет, и все же через какое-то время раздался его раздраженный голос:

— Слышь, плесень, ты кто по жизни?

Молчун усмехнулся:

— Из танкистов мы.

— Да я вас всех, сучар диких, урою! Я глава стаба, авторитет, за мной две тысячи стрелков, а кто вы? Шелупонь, скитальцы нищие! Ладно, дарю шанс на жизнь, год на меня оттарабаните в той же «Мишени». Без мордобоя, конечно, теперь не обойтись, лично тебе, Молчун, харю чистить буду.

— Да какой ты авторитет, Урфин Джус? Лепила ты опомоенный и барыга знатный, это да. Слушай сюда, выпердыш кровавый, на кону семь жемчужин и туева куча споранов и гороха, ну и жизни ржавые шнырей твоих. Да и место это твое поганое, мурское, в покое не оставим, в горизонт сложим, пластида тут хватит. Прием.

— За мура не докажете, — дав петуха, фальцетом глава стаба и щелкнул тангентой.

— И не собираемся, лишний головняк нам не нужен. Придет время, Стикс с тебя сам спросит. Ну, если, конечно, выгодно нам не подвернешься, удавим без базара, мы в своем праве, ты ведь нас всех с самого начала пришить решил и кусками внешникам продать. Прием.

— Спать не буду, но свиданки с вами, огрызками, дождусь, а доказать все равно ничего не сможете, кто вам, бродягам, поверит.

— Кончай гнилые базары, Джус, решай, тарыхтеть время закончилось.

— Хорошо-хорошо, не бросай тангенту. Хотите справедливости — лады, разойдемся по-вашему. Мои условия: аппаратура должна остаться нетронутой, называйте источники информации, откуда узнали о моих намереньях, и проваливайте в месте с Бедовым на все четыре стороны. Весь сегодняшний хабар меняю на ваше молчание, а лучше потерю памяти о произошедшем. Прием.

— Что ж, принимается, и по нашей информированности секрета никакого нет. У тебя, у авторитета целого, главы стаба и так далее, и тому подобное, ментаты* фуфло, у нас, как ты выразился, бродяг нищих, есть на порядок лучше. Ждем час, Бедовый должен выйти на этой частоте с Ижорского поста, и мы сразу уходим, забираем половину всего, что сегодня добыли, остальное не трогаем. Слово наше верное, Стиксом клянусь. Все, Урфин Джус, канай дела делать, время пошло. Конец связи.

Молчун бросил манипулятор, а минут через сорок из динамика станции раздалось:

— Я Бедовый, привет парни, слышите меня? Прием.

Народ зашумел радостно, столпился у медведя с рацией:

— Да слышим. Привет от всех, ты в Ижоре? Прием.

— Да, все норма. Жду в Рамбове на «Пьяном углу», в «Стекляшке». Благодарен, что вытащили, и будьте поосторожней, эта крутизадка Урфин Джус и его деревянные солдаты мстить будут. Конец связи.

Люди Бедового ушли, послышался шум лебедки на крыше. Только дождавшись, когда он стихнет, жирный боров ожил.

— Живой, — шумно выдохнул Ливер, брызнув слюнями и вытерев обильный пот со лба. — Вот же ублюдки.

Опять заработала рация, раздался уже знакомый голос Джуса:

— Мишень, это Лебяга. Прием.

Упревший боров судорожно схватился за тангенту, проблеяв:

— Мишень на связи, Лебяга.

— Ливер, переходим на экстренную частоту, — приказал глава стаба Лебяжье.

— Понял тебя, Лебяга, — пролепетал главный заправила в «Мишени», переходя на другую частоту, и тут же услышал:

— Ливер, мраморная ты говядина, цел? Прием.

Боров трясущимися руками налил себе полстакана беленькой, хлопнул, занюхал рукавом и ответил уже увереннее:

— Удивительно, шеф, но цел, только пованиваю немного, штаны выбрасывать придется, думал, все, кирдык, откоптил свое Ливер, добрейший в Стиксе человек.

В ответ раздался ехидный смешок и вкрадчивый, с пугающими интонациями голос Урфин Джуса:

— Добрейший в Стиксе человек доложит, что эти трупы забрали?

— Много, ровно половину за день добытого: сто пятьдесят пять споранов, сорок шесть сахарку, приличное количество узелкового янтаря и красную жемчужину, — запричитал Ливер, от волнения вытирая рукавом выступивший на лысине пот.

— Хренасе, вот же сучьи дети, — зло выругался хозяин стаба.

Ливер тихо и облегченно выдохнул.

«Похоже ожидал другой реакции начальника, пострашнее», — предположил Михаил, продолжая смотреть этот реальный фильм ужасов. Между тем хряк снова заговорил:

— Ты, Урфин, когда их поймаешь, а ты их поймаешь, не забудь меня на пир пригласить, я лично из них салат настругать желаю, — и он опустил тангенту.

— Тш-ш... тш-ш... — зашумела рация, а следом раздался уверенный ответ: — Забились, добрейший ты человек, рамбовских вообще на место нужно ставить. И мысли есть, и случай подходящий, вроде как сам в руки идет. Ливер, ты один в помещении? Прием.

— Нет, Цитрамон со мной, остальные наверху копытят. Прием.

— Отошли шныря на крышу, пусть там воздухом подышит с полчаса. Прием.

Ливер зыркнул на своего подручного, забившегося в самый темный угол, чтобы лишний раз не попадаться на глаза серьезным людям, ведущим дела.

— Эй, Цитрамон, укушенный ты в голову утупок, и не говори, что не слышал, давай канай отсюда на часик, — прогрохотал боров, добавив к этому еще и неприличный жест. Мужичонка ускакал, только его и видели. Опять закричала рация. — Отослал! Шеф, все в ажуре, прием.

— Х.й на абажуре, слушай сюда! Помнишь ту группу с погонялой Двадцать восьмой завод? Прием.

Ливер закивал и ответил с жаром:

— Как же, разве забудешь этих отморожков из Рамбова, они известные спецы по жемчугу. Прием.

— Они опять собрались на неназываемых, к нашей ЛАЭС пойдут, уже целый состав с техникой в Красной Слободе на рельсах стоит. Пять Т-90 и четыре новеньких «Терминатора», два экипажа по тридцать пять человек. Прием.

— Да-а, жеть, — поскреб лысину жирдяй, — кучеряво живут, суки Рамбовские. И откуда у них это все? Прием.

— Поверь, нам с тобой не скажут. Теперь слушай. Скоро они будут у нас в Лебяжьем, скорей всего, встанут на ночь, как и в прошлый раз, потом двинут на Калище, там разгрузятся, и на ЛАЭС. Точных сроков я не знаю, но все в пределах трех дней. Нам дарована почетная роль эскорта, почти да самого объекта. Задача проста, отстреливать любую шелупонь, чтоб не мешалась и не лезла на колонну суверена. За это нам, как и при предыдущей перезагрузке, кинут объедки, в лучшем случае обглоданную кость, а это наша земля, наши уголья. Как подумаю — им все, нам ничего, и все тут. И беленькая, как вода, и девки гарные, словно шлюхи старые, ничего не мило, все обрыгло, — эмоционально закончил Джус и отключился.

Ливер, пока слушал, еще накатил беленькой — видимо, сильно его тронула эта информация — и, выпятив вперед челюсть, почесывая заплывший жиром затылок, ответил:

— Как я понимаю, Урфин, у тебя есть планы, какова моя роль?

В ответ раздались помехи радиации и дикий смех главы стаба.

— Твоя правда, молоток, сечешь момент, план и вправду есть, и твоя роль оплатится сторицей, я тут для тебя пару классных девочек подготовил, заслужил, бродяга. Прием.

— Босс, что скажешь, то и сделаю, можешь полностью рассчитывать на меня, ты же знаешь, я не из мнительных. Прием.

— Теперь по существу, Ливер, — в голосе Урфин Джуса раздались стальные нотки. — За ночь, которая у нас будет в Лебяге, в каждую из машин установят радиоуправляемый отравляющий боеприпас, есть у меня спец. Говорят, у Двадцать восьмого завода лучшие прокачанные сахаром воины, вот только зарин* об этом не знает. Мы сопровождаем их до места и откатываем до станции Калище, их техники с нами, фактически это свидетели. Бой будет долгий, и думаю, заводчане опять разделают неназываемых. Как только соберут трофеи и задраят люки, на первый план выйдет наша группа, она уже находится на месте, спецы в схронах, наблюдают и будут ожидать столько, сколько понадобится.

Как наступит момент, нажимается красная кнопка, легкое «пух-х», и все. Наши люди надевают противогазы, собирают трофеи, тела и спешат к тебе, примешь все на хранение. Заводчан, как обычно, упакуешь в целлофан.

В это же время все твари в округе по определению сильно возбуждены звуками боя, тут как тут наши лучшие Олени, гонят их на Калище, всех, кого смогут. В том, что нам придется несладко на платформе, я даже не сомневаюсь. Выход только один — рвать когти, и побыстрее. Двадцать восьмой завод нам ничего не предъявит, разве что премию за спасение своих техников. Пока эти вши подретузные, возомнившие себя крутыми, соберутся расследовать, что же там произошло, пройдет день-два, а то и три.

Тут на сцену выходишь ты, Ливер. Твоя задача рассадить в отрытые боевые машины ненужных тебе людей, хотя бы по одному на тачку, если не хватает ненужных, сади нужных, не жалей, да хоть всех на хрен, привяжи их покрепче, мои тоже по трупу оставят. Главное, чтобы выглядело правдоподобно. После не суетись, с чувством, толком, расстановкой наведи туда твоих знаменитых чаек с карьера, пускай лезут туда, рвут друг друга за живые призы. И предупреждаю, Ливер, даже не думай, чтоб утащить оттуда хоть что-нибудь, пулеметы там, боезапас, я тя знаю. Все, буквально все должно остаться на своих местах, понял меня? Прием.

Боров тяжело дышал от всего услышанного.

— Понял, босс, предельно понял. Ваще абзац, ну ты и замутил, старшой. Голова! Это же надо

этакое выдумать. Ге-ни-аль-но, босс, ты гений, как Гагарин какой-то. Прием.

— Ливер, бестолочь, Гагарин был космонавтом. Прием.

— Ух ты, круто, шеф, — выпалил в тангенту жирдяй, вспотевший весь, словно в парилке находился.

— Н-да, когда образования нет — это весело, понимаю. И еще, до завершения операции на связь не выходим, опасно это. Сидите там все тихо, как мышки беленькие, охраняйте добычу и не нажирайтесь до свинячьего вида, наблюдайте, с тебя спрошу, если что. Завершением считаю, когда заводчане своих Рексов пошлют посмотреть, что там у ЛАЭС произошло, и те вернуться. В общем, я на тебя сам выйду, думаю, дней через пять, максимум шесть. Конец связи.

— Уф-ф-ф! — громко выдохнул Ливер, постоял еще немного у сейфа, переваривая услышанное, покачал головой, прохрипел: — Во день, — и хлопнул стакан вискаря, чтобы окончательно избавиться от мандража. Похлопав себя по огромному животу, удовлетворенно выдохнул. — Нужно позвать Цитрамона, лучше него вряд ли кто-то водку снотворным зарядит, потом отзовем бригаду, пусть повеселятся напоследок. И быков нужно предупредить, чтоб не вздумали хлебать это мое пойло, а то кто потом тела таскать станет. Ох и работы же накатило. Пойду уж, — сверху донеслись выстрелы. Боров обернулся на звук. — Работают, халявщики.

Но насчет халявщиков он был неправ.

«Там что-то произошло», — понял Михаил по звукам стрельбы и переключился на внешние камеры.

Тушкан, которого Ливер давеча отчитывал за плохую работу, на этот раз сработал выше своих сил и навел-таки крупную дичь под стволы бригады, хотя это и стоило ему жизни.

Оружейник вернулся к записи с внутренних камер.

До выхода на крышу жирдяй не дошел — снизу раздались несколько мощных ударов, буквально сотрясших здание, а сверху бежал верещащий Цитрамон. Увидев хозяина, он присел от охватившего его ужаса и заорал:

— Элита! Много! Караул, нас сожрут!

Ливер сбледнул. Снизу опять гроыхнуло, да так, что боров покачнулся. Сверху, топя, бежала смена с оружием. С первого этажа донесся грохот обваливающихся стен.

— Взрывай! Взрывай! — орал кто-то и уже стрелял в лестничный проем.

До кнопки подрыва главный едва успел добраться, а уже через несколько секунд этих людей не стало.

Оружейник откинулся на столе, перевернувшись на спину.

— Во попал, — выдохнул мужчина. Просмотренное видео сильно впечатлило, в особенности несколько слов, сказанных Урфин Джусом из поселка Лебяжье. Например, «неназываемые». — Это что же за твари такие, на убийство коих нужно усиленный танковый взвод посылать? — размышлял вслух Войнов. — Еще перезагрузка, и стаб в применении к целому городу или даже

округу, — мысли кое-какие у него по этому вопросу были, и стрелок тут же их озвучил: — Стаб — вроде как сокращение от стабильный. Что же тогда получается, есть зоны стабильные, такие как Лебяжье и Ораниенбаум, он же Рамбов, и есть нестабильные, время от времени перезагружаемые, то есть обновляемые, например, Сосновый Бор? Интересно, как это происходит? Получается, я и попал сюда из-за такой перезагрузки? Вывод, — сказал Оружейник в тишину, иногда нарушаемую возней Тигры с мелким где-то на задворках, — Стикс — это какая-то жуткая параллельная реальность с пока еще непонятными и необъяснимыми законами физики. Позарез нужно языка добывать, иначе конца этим непонятностям не будет.

Офицер еще побездельничал, прикидывая варианты дальнейших действий, и незаметно для себя заснул. Разбудила канонада, явно работали танковые пушки. Михаил ухмыльнулся:

— Этот мир не даст расслабиться, — приподнялся и понял, что голоден, и произнес любимую присказку: — Война войной, а обед по распорядку. Время у нас еще есть, мои маленькие подчиненные.

Тигра с мелким уже привычно нарезали круги с препятствиями, тут же изменив траекторию, встали столбиками у его лица, синхронно принохиваясь. Оружейник рассмеялся:

— Правильная реакция на слово обед, бойцы.

Приготовление очередной порции макарон с тушенкой не заняло много времени, как, впрочем, и само поглощение пищи, все в несколько минут смели. На десерт Миха с удовольствием выпил горячего шоколада, матросы предпочли сладкие батончики с орехами.

Наконец пришло время готовить встречу супостату. Оружейник с командой выдвинулся на крышу, придирчиво осмотрелся — прицепиться было не к чему, позиция ему нравилась: кругом обширный пустырь, весь периметр отлично просматривался, хозяева даже камни подчистили, за которыми можно было бы укрыться, достойно подготовили стрелковую зону.

Оборудование огневой точки Михаил завершил быстро, тут уже все сделали до него, он только чуть перестроил лежанку под себя и немного нарастил бруствер из мешков с песком вокруг себя. Приготовил снайперскую крупнокалиберную винтовку, снарядил пять магазинов, сделал несколько пристрелочных выстрелов на тысячу метров — бой где-то за Сосновым Бором еще продолжался, так что Войнова при всем желании никто бы не услышал. На третьем выстреле снес небольшую сосенку, остался доволен и отложил винтовку подальше, по левую руку. Скорей всего, она пригодится на конечном этапе боя. Следом притаранил пулемет «Корд», из двух выбрал лучший, но и тот по виду следовало бы перебрать и смазать. Времени на это нужное дело, к сожалению, уже не оставалось — канонада стихла минут пять назад. Миха успел еще притащить на всякий случай два ящика с Ф-1, вскрыл ножом две запаянные банки, снарядив все двадцать лимонок запалами.

— Похоже, готов.

Оружейник позвал питомцев к себе, определив им самое укромное место.

Бандитов он заметил еще на Копорском шоссе, когда они проезжали бензоколонку «Лукойл». Тигра, молодец, предупредила, тревожно свистнув. Наконец противники нарисовались и в прицеле. Ехали они на двух военных «Хаммерах», усиленных металлическим каркасом, с пулеметчиками наверху. Откуда только взяли подобные машинки? Последним шел бортовой «Урал», обшитый по схожей схеме узкими железными пластинами.

Прочитав Отче наш и поцеловав нательный крест, Михаил перекрестился и приник к оптическому прицелу пулемета.

— Уверен, дышать вы, худшие из тварей, права не имеете.

Мужчина нажал на курок. С одной очереди у двух пулеметчиков на «Хаммерах» снесло вместе с касками головы, моторные отсеки машин вспучило от ударов бронебойных зарядов, повалил пар, сопровождаемый всполохами огня, разлетелись куски металла и стекла. Он гвоздил машины и врагов, пока не кончилась лента. Пока перезаряжался, в его сторону впервые несколько раз выстрелили.

— Ха, из бесшумного лупят, спецназ хренов. Ну а мне чего прятаться, я с удовольствием пошумлю, может, привлеку кого из тварей на помощь.

Отстреляв еще две ленты, Михаил взял в руки «Корд», обнялся с ним, как со старым другом, приклад привычно прижался к плечу. Этой винтовкой ковровцев он по-настоящему восхищался. Как только дымка рассеялась, стало ясно — из ехавших в «Хаммерах» никто не выжил, они даже двери не успели открыть, во всем остальном было плохо. На «Урале» тоже оказались стрелки. Здесь Оружейник просчитался, думая, что там только трупы заводчан, и сейчас два десятка бандитов Урфин Джуса грамотно рассредоточившись веером и используя естественные укрытия, планомерно, метр за метром двигались в его сторону.

— Ну, мы еще посмотрим, кто кого в ад отправит. Позиция у меня, как говорит молодежь, читерская, — со злым предвкушением оскалился офицер.

Троих из винтовки он подловил почти сразу, а одного невменяемого пока оставил в живых, тот загнал себя в патовую ситуацию, залез в канаву, полностью открытую для стрельбы. И надо же, сам сообразил, что стал отменной мишенью. Долговязый парень не нашел ничего лучше, чем обреченно сесть на землю и размахивать своими белыми трусами. Оружейник аж закашлялся:

— Это у него что, флаг такой? Вот мудака креативный, а какой ловкий, это надо же трусы с себя сдернуть, не снимая штанов, иллюзионист хренов, — увидев такой стяг, выстрелить Миха не смог, решив, если и выживет этот чудик, за языка сойдет. Больше на линии огня объектов он не видел. — Жаль. Кончилась спокойная рыбалка, началась моталка. Придется менять дислокацию, обходят, суки.

Тут он разглядел на краю леса стремительные темные тени, по всему, твари неслись на звуки все громче и громче разгорающегося боя на железнодорожной станции Калище. Там громыхало уже серьезно.

Войнов ухмыльнулся:

— Все сам да сам, не дело это, вон из самого пекла за вами, поганью, посыльных выслали, как говорится, свои к своим. Прости, иллюзионист.

Пуля отстрелила ему кисть с похабным флагом. Заверещал парень знатно, а главное — громко, как и требовалось, хищные тени изменили направление своего следования. С поля в сторону Михаила понеслись лишь проклятья. Свинец бандиты, сбившись в кучу, сеяли теперь совсем на другом поле, а Войнов, сменив дислокацию, принялся планомерно отстреливать то бандита, то тварь, что тех, что других совершенно не жалея. Лишь за клоуна чуть-чуть да саднило в груди, с творческой жилкой был бандит, но не свезло ему.

* Приветствие на уголовном сленге. Распространено в Якутии

* Люди, обладающие даром выявлять способности, ложь и правду проверяемого.

* Боевое отравляющее вещество нервно-паралитического действия.

<http://tl.rulate.ru/book/15403/304854>